

УИЛЬЯМ ГОЛДИНГ, СОЧИНТЕЛЬ ПРИТЧ

— *Н*а протяжении моей жизни я не раз бывал потрясен и оглушен, узнавая о том, что мы, люди, можем проделывать друг с другом...— Этими словами несколько лет назад наш нынешний гость, известный английский романист Уильям Голдинг, начал свое выступление с трибуны Ленинградского форума писателей Европы.

— Что заставляет меня писать?.. Факты жизни приводят меня к убеждению, что человечество поражено болезнью — я имею в виду не Человечество с большой буквы, а имею в виду тех людей, с которыми сталкиваюсь... О многом, что происходило во время войны, я стараюсь не думать, иначе я ощущаю физическую боль. И коль скоро я убеждаюсь, что человечество больно, это и занимает все мои мысли. Я ищу эту болезнь и нахожу ее в самом доступном для меня месте — в себе самом. Я узнаю в этом часть нашей общей человеческой природы, которую мы должны понимать, иначе ее невозможно будет держать под контролем. Вот поэтому я и пишу со всей страстностью, на какую только способен, и говорю людям: «Смотрите, смотрите, смотрите: вот какова она, как я ее вижу, природа самого опасного из всех животных — человека». И это, мне кажется, благороднейшая задача — писатель ставит диагноз болезни. Это столь же высокий долг, как долг врача. Для этого нужны две вещи: сострадание, сочувствие к другим людям и еще — непреклонность, то есть решимость сказать то, что ты хочешь сказать, что бы с тобой потом ни случилось...

В признании этом особо отметим для себя несомненный полемический заряд. Тринадцать лет назад два десятка английских издателей отвергли рукопись «Повелителя

мух» — первой книги Уильяма Голдинга, беспощадно-жестоко воспроизведшей на канве «добропорядочного» романа приключений прошлого века историю озверения группы современных детей и подростков, волею судьбы заброшенных после войны на необитаемый остров среди Южных морей.

Увидев, наконец, свет, этот роман-аллегория принес огромную славу и популярность безвестному дотоле сорокатрехлетнему школьному учителю из городка Салисбери, бывшему подводнику — офицеру военного флота, участнику морских сражений с фашистами в годы второй мировой войны. Вспоминая о потоке писем, хлынувших к нему после выхода этой книги, — от школьных учителей, студентов, психологов, психиатров, священников, — Голдинг заметил: «В каком-то смысле даже грустно сознавать, что ты уже превратился в школьную хрестоматию, не дождавшись, как полагается, смерти и похорон». В реплике этой не было ни преувеличения, ни кокетства: отныне имя Голдинга не редкость встретить в зарубежной критике рядом с именами Кафки, Камю, а то и Достоевского.

Итог минувших с тех пор лет — еще полдесяток горьких романов — парабол и притч (написанные на разном историческом ма-

териале, они всегда устремлены к социальным и нравственным проблемам современного человека) и огромная литература о писателе, которая — уместись она в одном томе — составила бы прелюбопытнейшее собрание критических парадоксов: едва ли в современной литературе буржуазного Запада назовешь сегодня другого прозаика, на чью долю досталось столько противоречивых, а часто взаимоисключающих оценок.

«Современный классик...»

«Трудный, мутный писатель...»

«Старомодный моралист христианского толка...»

«Экзистенциалист...»

«Жестокий опыт и разочарования военных лет увели этого сурового бородатого моралиста, читающего нам проповеди о греховной природе человека, от проблем современного мира в область причудливого искусства библейских аллегорий и парабол...»

«Писатель, продемонстрировавший дар прикосновения к самому живому нерву острых проблем XX века...»

«Он принадлежит к писателям, для которых устарела концепция, полагающая, будто главное в искусстве — человек. Его мишень — то рациональное начало, уверенность человечества в себе, которое получило название «гуманизм», и в каждой книге он по-новому обрушивается на эту мишень».

«Читая его книги, мы видим весь путь человека до наших дней — как шел он, осязаясь, падая. Ну а сейчас? Упадёт ли он — на этот раз, чтобы больше не встать? Подобно большинству из нас, Голдинг «ушиблен» Бельзеном и Хиросимой. Не называя их в своей прозе, он все же подводит нас к самому краю пропасти... Он позволяет нам оглянуться в далекое прошлое и заново пережить драму извечного стремления человека побороть свой космический страх перед силами темноты и зла, одержать над ними победу...»

Нет нужды расцветивать далее панораму критического разноречия — она и без того пестра. Скажем лишь, что настойчивое возвращение Голдинга к истолкованию своих намерений — в статьях, интервью, лекциях — связано не только с усложненностью формы его книг, хотя о трудности восприятия некоторых из них говорит и он сам — в частности, говорил у нас в редакции, обсуждая вопрос с переводе одного из его романов на русский язык в журнале «Иностранная литература».

Беседа, собственно, и началась с проблемы разногласия в оценках художественного произведения — правда, со стороны не профессиональных критиков, а читателей. Наш гость рассказывает о том, как часто в английской прессе можно встретить читательские письма, отвратительную смесь из невежества и ханжества, авторы которых укрываются за подписями типа «мать семерых детей». Судя по всему, отказ посмотреть в глаза фактам, прекрасноту, иллюзионизм — главный объект ненависти

Уильяма Голдинга (столь же страстной, кажется, как и желанной видеть человека счастливым и достойным счастья, угадываемое и за самыми беспросветными страницами его прозы). Не потому ли, размышляя о социальном значении литературы, о высоком призвании и долге писателя, вновь и вновь обрушивается он на утешительский самообман, порок столь же опасный в его глазах, как и отсутствие человечности, вновь и вновь призывает к трезвости взгляда на причины и следствия, настаивает на верности правде — сколь бы горька она ни оказалась. Да, участь сочинителя притч «без вранья» всегда была малозавидной, он это знает: «если мораль притчи достаточно страшна — объявят бесчеловечным, если острие параболы проникает слишком глубоко — примутся распинать писателя — большинство предпочитает подсахаренные мифы...» И все же... И все же «книга моя должна была сказать людям: вы думаете, что сейчас, когда война позади, зло сокрушено, люди уже в безопасности, потому что по природе они добры и хороши? Но ведь я-то знаю, почему силы зла поднялись в Германии, разве это не может произойти и в другой стране?..» Или в другом месте: «История, самопознание дают нам ключ к поведению в будущем». Или еще: «Стране вроде Англии нужны «сердитые» писатели, нужна постоянная встряска, она не даст обществу с такой длинной историей окончательно одряхлеть, впасть в старческое слабоумие». И как окончательный вывод: «И все же, притчи, которые мы призваны сочинять в XX веке, должны быть предназначены для взрослых, а не для детей — даже для детей старшего возраста...»

Так полагает Уильям Голдинг, к этим мыслям опять и опять возвращается он в своих статьях, об этом же с непреклонной убежденностью говорит, беседуя с нами.

— Однако не бывают ли правы порой авторы писем в редакции? — спрашивает писателя один из участников встречи. — Существуют же в современной литературе действительно отталкивающие произведения, проникнутые холодным цинизмом. Подобную литературу защитницей моральных ценностей не делает и та едкая ирония, которой она подчас себя украшает. Не причастно ли к такого рода литературе, скажем, имя Беккета?

Нет, с этим примером наш гость не согласен, в ответ он рассказывает о четырех разных постановках пьесы «В ожидании Годо».

— Каждый раз я был глубоко задет ею и не чувствовал, что она цинична, напротив, на мой взгляд, она очень поэтична, в ней поэтично выражено предназначение человека, роль человека в жизни, в обществе. Ее успех отнюдь не вызван цинизмом.

Нам не кажется убедительной такая интерпретация «трагикомедии» Беккета, но мы, разумеется, не хотим называть свою точку зрения нашему гостю.

Теперь очередь Голдинга «нападать»:

— Не угрожает ли некоторым «оптимистам» опасность, — спрашивает он, — оказаться в положении врача, который по недостатку знаний, по неумению правильно диагностировать старается загнать внутрь симптомы болезни, вместо того чтобы лечить болезнь, вызывающую эти симптомы?

Как видим, к сопоставлению литературы с медициной Голдинг обращается не в первый раз. Говоря о его творчестве, критики предпочитают ассоциации с профессией педагога. К стати, на этот счет он однажды сделал примечательное признание: «Оставаться школьным учителем для того, чтобы иметь время писать романы, — такова была избранная мною тактика в битве с жизнью. Однако жизнь, мудрая жизнь рассудила по-своему. Первый же мой роман решил мою участь: до конца дней на меня будут смотреть как на школьного учителя — разве что с аудиторией побольше, раскиданной на семь тысяч миль».

Однако вернемся к диалогу в редакции.

— В литературе выражать болезнь значительно легче, чем душевное здоровье, — замечаем мы. — Речь идет о том, каков по существу мир, отражаемый писателем; если в этом мире есть хоть проблеск надежды, долг писателя как-то вырвать это...

— Согласен с каждым из этих слов, — отвечает Уильям Голдинг. — Однако я думаю, что самая ужасная ошибка состояла бы в недооценке тех страшных сил, которые подавляют надежду; глупо оптимистичны взгляды людей, лишь восхваляющих надежду без борьбы с тем, что давит. В настоящем романе, как я его понимаю, неизбежно море зла, но есть там и маленькая, теплящаяся надежда, горящий огонек надежды. Разница между оптимизмом и пессимизмом заключается, я думаю, в следующем: пессимист полагает, что этот огонек, маленький, как спичка в бушующей стихии, должен угаснуть; но если вы считаете, что ветер не может погасить этот огонек, что сила его не в яркости пламени, — тогда вы оптимист. Так я вижу жизнь — безграничное море зла и порока и маленький огонек надежды, который нельзя затухнуть.

Да, именно так мы и прочитывали книги Голдинга, и все-таки как хорошо, что он сам счел нужным произнести эти слова!

Речь заходит об эксперименте в современном театре. Кто-то замечает, что английской сцене повезло за последние десять лет: уровень актерского мастерства и режиссуры так высок, что малозначительные пьесы звучат порой как весьма значительные. Наш гость рассказывает об одном именитом режиссере, который берет пьесу, читает ее, откладывает в сторону и делает нечто совсем другое в своем спектакле.

— У вас, в СССР, тоже так бывает? — спрашивает он и тут же продолжает: — Впрочем, кажется, так вообще всегда было. Думаете, Эсхил и Софокл не хватились за голову, увидев, что стало с их творения-

ми, думаете, они не восклицали «О, боже мой!»?

И снова разговор возвращается к современному роману: вспоминаем напечатанную в нашем журнале «Женщину в песках» Кобо Абэ. Нет, наш гость не знаком с книгами этого японского писателя, как нам кажется, близкого Голдингу в чем-то существенном: в характере и глубине философской концепции, до некоторой степени — в форме выражения. Зло окружало там человека в символе песка, в котором вязнут, утопают ноги, который вот-вот пожрет его. Рассказываем нашему гостю и о спорах нашей критики по поводу этого романа — есть ли там идея преодоления зла, как понимает ее писатель...

И опять к книгам Голдинга:

— В каком из ваших произведений вы чувствуете наиболее адекватно выраженной авторскую идею?

— Вы меня прижали к стене, как говорят в Англии, могу ответить только так: есть всего два рода писателей — живые и мертвые. Идея никогда не получает окончательного выражения у живого писателя, его точка зрения развивается от книги к книге. И наиболее полной она представляется ему в той книге, которую он собирается написать. Первые мои книги были пристрелкой к мишени издадека, а вот недавно, создавая последнюю книгу «Пирамида», я говорил себе, что нельзя застрелить быка на таком расстоянии, надо подойти ближе к цели. * Вы помните легенду об Антее: чтобы одержать над ним победу, его надо было оторвать от земли, в связи с землей была вся его сила. Когда Антей становится на землю, он делается крепче, мощнее. И вот в «Пирамиде» я вернулся к тому, что хорошо знал. Мне надо было увидеть английские «пирамиды» на близком расстоянии, показать, как в них живут люди и как они наследуют эти «пирамиды». Это небольшая по масштабу книга, но от нее я надеюсь оттолкнуться, чтобы пойти вперед. И если вы меня спросите, какова же будет та книга, к которой я пойду дальше, — я не смогу ответить вам.

Что ж, не будем допытываться, ведь главное мы знаем. Услышанное сегодня выстраивается в ряд с другими немаловажными признаниями Уильяма Голдинга. Так, скажем, как цитируемое ниже по недавно вышедшему сборнику его статей:

«До второй мировой войны я верил в возможность совершенствования социальной личности, верил в то, что справедливое устройство общества приведет к утверждению доброй воли, что все социальные беды могут быть устранены: в результате преобразования общества. После войны я утратил веру, не было сил верить, но, быть может, сегодня я снова верю в нечто подобное...»

И мы надеемся, что огонек этой веры устоит на ветру.

Е. СТОЯНОВСКАЯ

* См. рецензию А. Елистратовой в «Иностранной литературе» № 1 за 1968 г.